

В то время как деятельность математика немыслима в отсутствие компонента (а), компоненты (б) и/или (в) могут присутствовать в его установках в вырожденном виде, то есть могут отсутствовать какие-либо ограничения на вид выбираемых объектов и/или какие-либо требования по их препарации для начала исследования. Поэтому сформулируем следующую гипотезу: те или иные варианты «неполных» атомарных установок могут существовать и фактически существуют/существовали в головах значительного числа реально действовавших математиков.

Ближайшей и основной задачей апостериорной философии математики является создание классификации атомарных установок мышления математиков об основаниях своей науки, которая бы хорошо согласовалась с фактами такого мышления; естественно, для такой классификации следует иметь внятную дедукцию ее полноты и независимости в отношении множества релевантных фактов. Понятно и то, что в силу апостериорного характера рассматриваемой разновидности философии математики такую классификацию необходимо будет периодически пересматривать вплоть до смены самих ее оснований.

Ряд наших дальнейших публикаций мы надеемся посвятить одному важному частичному решению этой задачи. Мы намерены построить убедительную классификацию атомарных установок мышления математиков об основаниях своей науки, ограниченную взглядами представителей «классической» математики. В качестве таковых рассматриваются исследователи, чьи воззрения на характер и суть математической деятельности не приводят к отказу от признания некоторых результатов работы их собственных коллег, полученных ранее и признанных в качестве значимых математическим сообществом.

А.П. Петров
Верхняя Салда

НАУЧНЫЕ ОБРАЗЫ, МЕНТАЛИТЕТ И ТРАДИЦИЯ

Отношение менталитета к индивидуальному мышлению подобно отношению текста роли к игре актера (с той лишь разницей, что этот текст «разыгрывается» произвольно). Г. Шпет писал, что текст дает актеру, «строго и исчерпывающе говоря,

только «дух», идею, тенденцию, направление, задачу. Решение задачи, путь, очувствление, облечение идеи в плоть, превращение «духа» в душу, в лицо, в субъект, претворение духовных коллизий в «образ» жизненных конфликтов — вот что задается театру и актеру»¹. Вот и менталитет — это текст, который лишь *предопределяет* нашу роль в сфере мышления и поведения, текст, странным образом не созданный никем, но адресованный каждому, каждым «разыгрываемый» и посредством этого «разыгрывания» обеспечивающий культуре возможность непрерывного воспроизводства и обогащения.

Истоки менталитета — в коллективной психике, которая появляется на ранней стадии развития человечества, когда в межчеловеческих отношениях больше доминировала идентичность, чем индивидуальность. Тогда — сознание *обслуживало* коллективное *чувствование*. Отсюда культурное противопоставление: свой/чужой фундировалось конгруэнтным *переживанием* бытия; и только по прошествии достаточно длительного времени сознательность стала (точнее, стала казаться) доминантой и появилась индивидуальная рефлексия. Такое доисторическое состояние психики позволяло Человеку что-либо делать лишь *коллективно*. Как следствие такого положения — вывод, довольно странно звучащий в настоящее время, о том, что дело *предшествовало* осмыслению. «Как говорит гетевский Фауст: «Im Anfang war die Tat» (В начале было дело). «Дела» никогда не изобретались, а делались, а вот мысли — сравнительно позднее открытие человека. Сначала к совершению «дел» его подталкивали неосознаваемые факторы»². Бессознательные (другое название — *подсознательные*) структуры, более древние, в значительной степени, *предопределяют* сознание. Сознание не только «действует» в «силовом» поле бессознательного, но и кодируется им, в том числе и «заимствуя» предпосылки к появлению фундаментальных ценностей.

Менталитет следует понимать как «подтекст» традиции: он содержит в себе внутренние предпосылки для формирования того смыслового пространства, в котором традиция рождается и функционирует.

С другой стороны, традиция — это способ воплощения основных, характерных только для данного типа культуры элементов *картины мира*; она же — условие непрерывности существо-

вания *менталитета* и живая память о *культуро-религиозных* истоках культуры. Все эти мотивы воплощаются в ретранслируемых традицией основополагающих ценностях и дискурсивных моделях.

Особое место среди транслируемых традицией дискурсивных моделей занимают парадигмы *научного мышления*, — те самые, в рамках которых возникают знания, претендующие на некую сверхэмпирическую объективность. Как возможна такая объективность? Э. Гуссерль ставит вопрос таким образом: «...как внутриспсихически конструированный образ обретает собственное межсубъектное бытие в качестве некоей идеальной предметности, которая <...> реальна вовсе не психически, хотя и психически возникла?»³. Здесь выделены два условия: а) «реактивирование» (воспроизведение) «первого произведения» (т.е. исходного образа) его автором при обязательной экспериментальной его проверке в акте «действительного производства»; б) «последование» данного произведения другими, «когда в понимающей цепи <...> повторений очевидное переходит как таковое в сознание другого» и «реактивируется» им. Второе условие (собственно *традирование*) выполняется только в том случае, когда имеет место «опредмечивающая активность» (практическая деятельность, в которой «задействуется» произведение) и «очевидное сознание идентичности духовного образа в произведениях получившего сообщение и его отправившего»⁴. Однако сама *устойчивость* существования «идеальных предметов», т.е. научных образов может еще оставаться проблемой, т.к. они существуют в пространстве *языка* — как общезначимые предложения и сверхфразовые единства.

Устойчивость обретается в *активности логической мысли*, раскрывающаяся в «прояснении» и «объяснении». Логика как совокупность надпсихических структур мышления, как активность, «выхватывающая» субъекта из мира ситуативных решений или автоматизмов ритуального толка, — логика, взятая в таком качестве, есть основа исторически непрерывного бытия «идеальных предметов».

Ответ на возникающий вопрос, «в какой *форме* должны применяться логические приемы для того, чтобы усвоение «идеальных предметов» было одновременно и *продолжением* традиции (ее актуализацией в данных условиях, *hic et nunc*)», таков: оче-

видно, такой формой может быть только *самостоятельное* участие субъекта в процессе традирования. Самостоятельность — это прежде всего способность исходить из собственной мыслительной позиции, собственным усилием «вмещать» себя в предзаданные традицией предпосылки мышления. И если такое «вмещение» осуществилось, то, как говорит Гуссерль, «всякий переход от прояснения к деланию-очевидным» становится «историческим раскрытием», поскольку он реально «имплицитует преемственность имплицитующих друг друга прошлых, каждое из которых представляет некоторое прошедшее культурное настоящее»⁵. Здесь традиция предстает уже не как автоматическое, независимое от нас следование друг за другом различных состояний культуры, а как взаимосоотнесенность множества уникальных духовных позиций, реализуемых в границах одних и тех же дискурсивных моделей.

Важной констатацией, при всей уникальности индивидуальной позиции и строго научном подходе, является то, что человек (как собирательный образ, так и отдельный индивид) посредством сознания не может полностью «освободиться» от социально-психологической детерминации; он находится в перекрестье бытийственных коридоров: коллективного бессознательного, личного бессознательного, ментального, языкового; именно в пределах данного пространства и существует человек, здесь и есть «свобода маневра» для него (в том числе и в сфере научной деятельности).

Попытка игнорировать это обстоятельство на практике приводит лишь еще большему, фактически тотальному, владычеству этих факторов. «Сам по себе возросший уровень сознательности (так называемого «сознания Я», эмпирического центра всего поля осознаваемых содержаний психики, и связанного с ним мышления) еще не гарантирует, что психическую жизнь человека нельзя свести к коллективным ее формам. Сознание может преспокойно оставаться сознанием, но при этом быть одержимым «содержаниями бессознательного», отдавая себе отчет в чем угодно, только не в этой своей одержимости»⁶.

Аналогично, если человек, например в производственно-технической сфере, руководствуется, как ему кажется, лишь правилами высокой степени универсальности, т.е. техническими научными дисциплинами, то это означает полный «уход» менталь-

ных понятий в подсознание и как следствие их безусловное господство в поведении данного индивида.

¹ Шпет Г.Г. Театр как искусство // Из истории советской науки о театре: 20-е годы. М., 1988. С.43.

² Юнг К.Г. К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М., 1997. С.79.

³ Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М., 1996. С.219.

⁴ Там же. С.220.

⁵ Там же. С.234.

⁶ Бакусов В.М. Карл Густав Юнг: Парадоксы жизни и творчества // Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1994. С.14.

Д. В. Пивоваров
Екатеринбург

ЧЕТЫРЕ ВЕРОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФИЛОСОФИИ

Идущее от Аристотеля представление о философии как науке — со своим особым предметом, системной организацией и методами — было классически завершено Гегелем и философией марксизма. В XX в. получает развитие противоположная трактовка философии (Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Ф. Гваттари, А.Л. Никифоров и др.), отрицающая наличие у философии: 1) собственного предмета; 2) эмпирической базы; 3) прогресса в решении мировоззренческих проблем; 4) договоренности в отношении базовых терминов и категорий; 5) интересубъективной ясности персональных философских систем. Согласно такому подходу философское знание *вненаучно*: беспредметно, неverifiedируемо, нефальсифицируемо, принципиально недоказуемо, чересчур многозначно и для него не характерно кумулятивное развитие.

Однако те, кто остаются на позициях Стагиритовой концепции философии как специфической науки, методично опровергают доводы противников научности философии: 1) предмет философии — отношение человека к предельным сущностям (Богу, природе, обществу, разуму); 2) эмпирическая база философии — жизненный опыт философа; 3) философские проблемы обновляются и умножаются по мере прогресса человечества; 4) разногласия в отношении базовых философских категорий соизмеримы с